

"Раньше нас просили уйти с детской площадки. Сейчас такого не происходит"

"Коммерсантъ Власть" №2 от 18.01.2016

Ольга Алленова

Волонтерство в России превращается в особый вид альтернативной гражданской активности, потому что социальное пространство, по сравнению с политическим, быстрее поддается реформам и переменам. "Власть" начинает серию публикаций о волонтерах в современной России. Первый материал — о том, зачем нужны волонтеры в детских сиротских учреждениях и что они могут изменить в жизни российских детей.

В пятом "В" классе тихо, три ребенка сидят на стульчиках или в инвалидных колясках спиной к двери, так что мне удастся остаться незамеченной. Учитель говорит:

— К нам пришел гость, Маша,— и показывает на большую куклу.— А гостей нужно...

— Угощать,— подсказывает Андрей.

— А чтобы угощать, нужен...

— Стол,— отвечает Андрей, показывая на картинку в руке учителя.

— Молодец,— одобрительно кивает Татьяна Гегина, учитель коррекционной школы № 25 Петроградского района Санкт-Петербурга, оказывающей услуги по домашнему обучению в детском доме-интернате Павловска.

Помимо Татьяны Гегиной на занятиях присутствует педагог интерната и волонтер Санкт-Петербургской региональной общественной благотворительной организации "Перспективы" — на каждого ребенка один взрослый. Для чего взрослых нужно так много, становится понятно, когда Андрей из-за усталости и перегрузки перестает реагировать на учителя. Тогда волонтер идет с Андреем в игровую зону класса, а учитель и воспитатель продолжают заниматься с оставшимися детьми. В соседнем классе, девятом "В", воспитатель "Перспектив" и учитель 25-й школы проводят урок с помощью пиктограмм — особенные дети отлично понимают этот язык. Задача педагога — научить Даню и Катю узнавать себя

и одноклассников на фотографиях. Для каждого ребенка педагоги составляют план на год: в конце этого учебного года Катя должна перестать делать вид, что вокруг никого нет, и понемногу начать контактировать со сверстниками, а Даня — различать картинки и цвета. Процесс обучения долгий, трудный, дети устают, и им необходимы передышки. Даня получает в руки колотушки и радостно стучит ими, а Катя лежит на специальном покрытии в игровой зоне с бусами в руках. "Вообще мы бусы детям не даем, но Катя, кроме бус, ничего не признает", — объясняют педагоги.

Павловский детский дом-интернат (ДДИ) № 4 — огромное учреждение: в четырех корпусах живет 300 детей. Всем отделениям присвоен статус "милосердие" — это значит, что здесь живут дети с тяжелыми и множественными нарушениями развития. Один из корпусов был успешно реформирован в рамках известного регионального проекта питерских ученых "Как дома" и стал образцовым отделением семейного типа. Тут уютные маленькие группы, разделенные на спальни и гостиные, в каждой — 5-7 детей, которые живут с постоянными воспитателями. Дети с утра до обеда учатся в школе. В 4-м корпусе (11-м отделении) все по-другому. Отсюда в школу никто не выезжает, классы оборудованы прямо в корпусе, где дети живут. В них учатся чуть больше 40 детей из 88, с остальными педагоги надомного обучения занимаются индивидуально.

Пока иду по коридору, то и дело встречаю волонтеров или учителей, везущих детей в инвалидных колясках на занятия или с занятий в группу. В фойе волонтер что-то читает ребенку в коляске.

Это уникальное отделение, в котором работают кроме сотрудников интерната 50 педагогов из 25-й коррекционной школы и 30 сотрудников благотворительной организации "Перспективы" (педагоги, психологи, специалисты по адаптивной физкультуре и волонтеры). На двери каждой группы висит индивидуальное расписание: фото ребенка, его имя и название ежедневных занятий. Воспитатель в группе знает, в котором часу придет педагог по развитию речи за Ваней и когда у Саши начинается занятие адаптивной физкультурой (АФК). К этому времени Ваня или Саша должны быть одеты — волонтер постучит и заберет ребенка на занятие. "Мы стараемся сделать так, чтобы посторонние в группы не заходили", — поясняет заведующая отделением Ирина Семенова. Раньше все занятия проходили в группе: к каждому ребенку приходили педагоги, дефектологи, арт-терапевт, психолог, логопед. В итоге за день ребенок видел 15-20 взрослых людей, с которыми у него не было никаких отношений. Два года назад интернат стал сотрудничать с кафедрой психологии Санкт-Петербургского госуниверситета, и психологи объяснили, что ребенок должен меньше видеть посторонних людей внутри "своего дома" — группы, где пока еще живет от шести до девяти человек. Ему важно чаще общаться

с постоянным воспитателем, тогда формируется привязанность к взрослому, и ребенок лучше развивается. С тех пор группа стала своего рода сакральным пространством — здесь могут работать только постоянный штатный воспитатель, педагог "Перспектив" и волонтер.

Психологи объяснили, что ребенок должен меньше видеть посторонних людей внутри "своего дома" — группы

Самая тяжелая группа в этом отделении похожа на палату: здесь на специальных медицинских кроватях лежат дети с гастростомами, двое из них перенесли недавно операции на тазобедренных суставах в институте Турнера. Девушка в красной футболке и шортах держит за руку одного из неподвижных воспитанников, другой рукой изображая какое-то смешное действие с игрушкой — ребенок на секунду концентрирует взгляд и улыбается. Он не понимает действия с игрушкой, но ему нравится, что рядом с ним стоит знакомый человек и держит его за руку. Кейт приехала полтора года назад из США как волонтер от одной из христианских церквей Америки. Ей 26 лет, она окончила медицинский колледж и имеет квалификацию медсестры. "Я приехала, потому что хотела быть волонтером и всегда хотела увидеть Россию", — объясняет она. Кейт прослушала курс лекций по уходу за детьми с тяжелой инвалидностью, который "Перспективы" проводит для всех новичков-волонтеров, и уже второй год приходит в этот ДДИ.

Живет она в Петербурге и каждый день встает в 5:30, чтобы успеть на электричку до Павловска. Ее рабочий день начинается в восемь. Одна из особенностей работы волонтеров "Перспектив" заключается в том, что они приходят к своим подопечным каждый день. Другая особенность — они получают от своей организации компенсацию в размере 10 тыс. рублей, которая покрывает расходы на транспорт и сэндвичи.

Кейт проводит здесь весь день: играет с детьми, кормит их, умывает. В 16 часов она уезжает в Петербург, где ее ждет подработка — она преподает английский язык студентам.

— Вам нравится такая жизнь? — спрашиваю я.

— Да, очень! Я люблю Россию. Люблю детей. Мне нравится Павловск. Я не хочу отсюда уезжать.

В Павловске волонтеры "Перспектив" появились еще в 1996 году. Иностранных волонтеров в 11-м корпусе сейчас половина — 7 из 16. В основном это добровольцы из Германии: учредитель "Перспектив" Маргарита фон дер Борх, 20 лет назад

открывшая в Петербурге эту организацию, предложила идею волонтерского обмена между странами. "В Германии многие молодые люди, окончившие колледж, становятся волонтерами на год,— рассказывает педагог "Перспектив" Дарья Нефедова.— Этот добровольный социальный год засчитывается им при дальнейшем обучении в институте. Государство поощряет это, потому что такое волонтерство развивает молодого человека, помогает ему увидеть самых слабых граждан и понять, почему государство им помогает. И общество там очень толерантно относится к самым слабым и беззащитным людям — практически каждый молодой человек лично общался с такими людьми. Многие ребята из Германии в рамках этой программы стали приезжать в Россию, а наши российские волонтеры уехали на год в Германию. Я тоже была волонтером "Перспектив" в Петербурге, потом уехала в Германию на целый год, работала координатором подразделения волонтеров в детском саду Монтессори, заодно училась. Сейчас учусь на психолога. У волонтера здесь обычно есть только два пути — или отработать год и уйти, или пойти учиться и продолжать работать уже в другом качестве. Я решила остаться и работать с детьми".

Другой педагог "Перспектив" Наталья Зверева год работала волонтером в лечебно-педагогической школе в Германии. "Я вообще-то инструктор детско-юношеского туризма, а в "Перспективы" пришла, потому что хотелось помогать детям, которые лишены возможности жить обычной детской жизнью. Потом был год в Германии, и он помог мне увидеть, как могут и должны жить дети с инвалидностью. Я решила стать специалистом адаптивной физкультуры, чтобы работать с детьми здесь постоянно".

— Что именно вас привлекает в этой работе?

— Дети,— просто отвечает Наталья.— Дети мотивируют. От них огромная отдача. Если это соматически слабый ребенок, я могу облегчить ему жизнь. Ты видишь, как меняется ребенок от того, что получил чуть больше внимания, и у тебя растут крылья. Персонал очень старается, но не успевает все — и мы можем им помочь.

Благодаря волонтерам и приходящим педагогам дети из этого отделения стали чаще выезжать на городские мероприятия, рассказывает старший воспитатель Наталья Алексеева:

— Музеи, театр, Эрмитаж — это наша обычная культурная программа. Мы ходим в Павловский парк и на почту, в магазин, на детские площадки. В этом году наши дети ездили в Крым на море, в санатории Ленинградской области. На новогодние праздники 40 наших воспитанников пригласили в Юсуповский дворец, девчонки поехали в бальных платьях.

— Как реагируют окружающие?

— Раньше нас просили уйти с детской площадки. Сейчас такого не происходит — люди стали больше узнавать о наших детях, перестали их бояться. Для ребят выезд — это опыт жизни в другой социальной сфере, а для общества — опыт принятия людей особенных, непохожих. По большому счету нам всем не хватает такого опыта.

Руководство учреждения тоже признает заслуги волонтеров и приходящих педагогов. "Каждый день в наш ДДИ приходит около 50 волонтеров, мы работаем с восьмью общественными организациями,— говорит директор Павловского ДДИ Андрей Алексеенко.— Волонтеры очень нужны там, где бедная сенсорная среда, они дают детям общение, которого им не хватает. За последние два года у нас было много изменений: мы начали проект реорганизации отделений в рамках проекта "Как дома", у нас стало больше волонтеров, практически все дети получают образовательные услуги, 100 детей выезжают в школы, остальные обучаются надомно. Мы много работали с младшим персоналом, объясняли, что ребенок — это не биологический объект, который надо помыть и покормить, а живой человек, которому нужно внимание, эмоции, общение. Дети почувствовали перемены сразу. Они прибавили в росте и весе, а это всегда показатель того, что у ребенка появился близкий взрослый, друзья, общение, занятость. Дети стали меньше болеть, у них стало меньше стереотипных движений, аутоагрессии. И наши сотрудники, когда увидели, как дети меняются, тоже стали менять свое отношение к ним".

Дети прибавили в росте и весе, а это всегда показатель того, что у ребенка появился близкий взрослый, друзья, общение, занятость. Они стали меньше болеть. Однако в отношениях между интернатом и волонтерами все не так гладко, как кажется сначала. "Волонтеры нам очень нужны, особенно там, где не хватает сил наших специалистов, но иногда они вмешиваются в медицинские вопросы, и мы против этого",— говорит заведующая 11-м отделением Павловского ДДИ Ирина Семенова. "Есть зоны, где волонтеры нам нужны, а есть зоны, где медики разберутся сами,— вторит ей замдиректора ДДИ по социальным вопросам Ирина Македонова.— Не надо учить врача, как ухаживать за ребенком. И контролировать нашу работу не надо". Отношения накаляются, когда волонтеры и педагоги "Перспектив", проработавшие по году за границей в социальных учреждениях, высказывают свое мнение, например, о том, как лучше кормить лежачего ребенка и нужно ли его вертикализировать хотя бы на несколько минут в день. Это довольно характерный спор: медики, обучавшиеся в советской высшей школе, боятся вертикализировать детей, которые провели в кровати всю жизнь, полагая, что это создает слишком много проблем (ребенок волнуется, кричит, ему больно и непривычно, он перевозбужден, его трудно успокоить). А педагоги и специалисты по АФК, а также

волонтеры, проработавшие год в учреждениях Германии, убеждены, что, если постепенно и мягко приучать ребенка к изменению горизонтального положения тела на вертикальное, это откроет для него новое, большое, интересное пространство и существенно изменит качество его жизни.

Здесь, в Павловске, все противоречия в представлениях и взглядах специалистов на то, как лучше заботиться о ребенке, стали разрешать на общих собраниях: раз в месяц сотрудники ДДИ, волонтеры, приходящие педагоги и специалисты НКО собираются вместе, чтобы обсудить спорные вопросы. "Это помогает найти какой-то консенсус,— говорит Ирина Македонова,— тем более что и наши сотрудники бывают порой несправедливы по отношению к волонтерам. Общественники — люди другой ментальности, у них свой взгляд, но это и хорошо: иногда они помогают нам увидеть какие-то недочеты, а в результате выигрывают дети".

Теперь индивидуальную программу развития для каждого ребенка местные специалисты составляют совместно с представителями общественных организаций.

Небольшой особняк на юго-западе Москвы засыпан снегом. В фойе на вешалках — детская одежда, в коридоре — несколько прогулочных инвалидных кресел. В этом здании живут 22 ребенка с особенностями развития. Еще два года назад они жили в московском детском доме-интернате № 15, а в марте 2015-го их перевезли сюда, в негосударственный Свято-Софийский детский дом.

Директор Светлана Емельянова пять лет назад пришла учиться в Свято-Димитриевское училище сестер милосердия на патронажную сестру. Ее распределили в ДДИ № 15. "Я сразу сказала, что ходить туда не буду — дети чистые, накормленные, не пахнут, я там не нужна,— вспоминает она.— Но так вышло, что координатор проекта ушла в декрет, меня попросили ее заменить, и я осталась. Вскоре я поняла, что дети в отделении милосердия во время приема пищи лежат, их не вынимают из кроватей, и весь мир ребенка — это его кроватка, отгороженная решеткой от остального пространства".

В интернате в тот момент было 120 воспитанников, разделенных на четыре группы. Сестры милосердия приходили в каждую группу от одного до трех раз в неделю. "Нас было всего четверо, по одной на группу. В свободное время мы обучались в Центре лечебной педагогики, а за опытом ездили в Петербург, в Павловский интернат, где работает благотворительная организация "Перспективы". Через год нас стало 12",— рассказывает Емельянова. От волонтеров сестер милосердия отличало только то, что они работали за небольшую зарплату (15-20 тыс. рублей в месяц) и были обязаны приходить в ДДИ регулярно. Таковы были правила в

православной службе помощи "Милосердие", заключившей с ДДИ договор.

"К этому времени пришло понимание, что рядом с детьми должны быть одни и те же взрослые,— говорит Емельянова,— только имея рядом близкого взрослого человека, ребенок будет развиваться. Но в группе из 30 детей это невозможно. В 2013 году в интернате началась небольшая реформа, групп стало больше, и в каждой теперь было не 30, а 20 детей. Руководство интерната пошло нам навстречу и разрешило сформировать отдельную группу, в нее мы взяли детей, с которыми у каждой из наших сестер милосердия сложились личные отношения".

Почти два года сестры милосердия приходили в "свою" группу — с утра до вечера, в режиме день через два. Они делали все: умывали, кормили, гуляли, проводили занятия, купали, укладывали спать. За это время в жизни подопечных детей произошли значительные изменения. "Мы создали в группе игровую зону, выложив часть пространства специальным покрытием,— рассказывает Светлана Емельянова.— Теперь мы выкладывали всех детей из кроваток на пол, и их жизненное пространство расширилось. Мы видели, как Соня, которая до сих пор неподвижно лежала на спине, стала ползать на лопатках, чтобы рассмотреть какую-то игрушку на полу. Часть детей стала ползать самым обычным образом, на животе, им стало интересно все вокруг, и больше не было решеток, которые их ограничивали. Мы создали обеденную зону, поставили стол и стульчики, и теперь уже не все дети принимали пищу в кровати — кто-то стал есть за столом. В 2014 году благотворители службы "Милосердие" купили хорошие инвалидные коляски для наших детей, и мы смогли даже тяжелых, лежащих детей вынимать на время кормления из кроватей в кресла. Было только два ребенка с зондами, которых нам не разрешили трогать. Когда появились коляски, мы стали возить детей два раза в месяц на занятия в ЦЛП, там нас встречали специалисты и волонтеры".

Общественники — люди другой ментальности, у них свой взгляд, но это и хорошо: иногда они помогают нам увидеть какие-то недочеты, а в результате выигрывают дети

В результате ежедневного общения с сестрами милосердия дети, которые не двигались, стали ползать, вставать, даже ходить; те, кто молчал, научились общаться звуками или словами; некоторые дети, принимавшие исключительно жидкую пищу из соски, научились есть самостоятельно. "Они почувствовали интерес к себе со стороны взрослых,— поясняет Емельянова,— и это было стимулом для развития".

Но в условиях большого интерната, когда юридическую ответственность за жизнь воспитанников несет директор ДДИ и все волонтерские инициативы основаны

исключительно на хороших отношениях с руководством учреждения, радикально изменить жизнь детей не получалось. "Нам не нравилось, что дети живут в одной комнате; что на группу выделен штат из одного воспитателя и двух санитарок, так что невозможно каждому ребенку уделить необходимое внимание; что любое действие нужно согласовывать с учреждением, а оно не всегда идет нам навстречу", — вспоминает Емельянова.

В это время из Свято-Софийского детского дома, бывшего на попечении православной службы помощи "Милосердие", ушли последние повзрослевшие воспитанники, а новых не набрали, потому что здоровых детей-сирот в Москве не осталось — их разобрали по семьям. Руководитель Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ епископ Пантелеимон, возглавляющий службу помощи "Милосердие", и департамент труда и соцзащиты Москвы решились на эксперимент. 2 марта 2015 года 21 воспитанник из ДДИ № 15 вместе с сестрами милосердия переехал в Свято-Софийский детский дом. Сотрудники стали называть это место Домиком — как бы отказываясь от казенщины. В Домике всего три группы: в двух по восемь детей и в одной — пять. К концу года групп будет четыре, и детей в каждой станет меньше. Светлана Емельянова говорит, что в группе должно быть не больше пяти детей, чтобы каждый получал достаточно внимания от персонала.

Мы идем по маленьким светлым коридорам, заглядывая по пути в детские спальни — уютные комнаты с веселыми покрывалами и шторами, детской мебелью, игрушками. В каждой спальне от двух до четырех кроватей. Это совсем не похоже на казарму, в которой живет большинство детей в российских ДДИ. У каждой группы есть ванна, туалет, собственная столовая.

Сразу после переезда сюда стали приходить волонтеры — те, с которыми дети уже познакомились во время занятий в ЦЛП и ДДИ № 15. "Волонтеры к нам приходят из-за личной привязанности к конкретному ребенку, — говорит Емельянова, поясняя, что личная привязанность — едва ли не самое важное условие в работе с детьми. — Новых волонтеров мы не сразу пускаем в группы к детям. Группа — это дом, а в дом не заходят все подряд. Новым волонтерам мы говорим, что рады видеть их на прогулке и на выездах, под присмотром опытных волонтеров и сотрудников. Отношения с ребенком — это большая ответственность, тут важно постоянство, и мы должны защитить детей от мелькания лиц. Только если человек уверен в том, что он будет регулярно приходить к ребенку, и если у него складываются отношения с ребенком, мы уже разрешаем ему войти в группу. А если регулярность не для волонтеров, то волонтеры — не для нас".

Дверь в маленький директорский кабинет открывается, и в проеме появляется шестилетний Кирилл, а за ним вырастает волонтер Павел. Кирилл подбегает к директору, берет ее мобильный телефон и увлеченно рассматривает. Павел рассказывает, что уже полгода ходит волонтером в Домик: "Нам в храме рассказали, что открылся такой детский дом для особенных детей и можно стать волонтером. А я давно хотел попробовать. Сначала просто приходил гулять с детьми. Привык к Косте, стал приходить к нему. Но сейчас уже и другие дети, например Кирилл, ко мне тянутся".

Павел приходит сюда дважды в неделю, играет, кормит, купает, сопровождает детей в музей, зоопарк, на концерты. В новогодние праздники выезжал с подопечными в Марфо-Мариинскую обитель на представление "Щелкунчик". "Паша — один из немногих волонтеров, кто прошел первый "прогулочный" этап и остался с нами", — говорит Емельянова и показывает фотографии: Павел собирает мебель, мальчишки собрались вокруг, а кто-то даже приполз из дальнего угла — так интересно.

Наступает время сна: в каждой спальне воспитатели или волонтеры укладывают детей: читают книги, рассказывают сказки, поют песни. Воспитатели здесь работают до 22 часов и уходят, когда дети уже спят. Но и приходят на работу позже: в первой половине дня дети уезжают на учебу в специализированные учебные заведения, и для сопровождения им достаточно других специалистов и волонтеров.

Я спрашиваю Светлану Емельянову, как изменились дети на новом месте. Она показывает фотографии: вот Миша, ему 15 лет, но выглядел он на 5-6, потому что гормон стресса убивает гормон роста, а Миша в интернате жил в состоянии стресса: он все время лежал в кроватке, снимал с себя всю одежду и совал ее в рот, кусал всех, кто к нему прикасался. Так он пытался восполнить острый сенсорный дефицит, связанный с нехваткой общения, внимания и вынужденным бездельем. С марта Миша вырос и повзрослел. Не кусается, ничего с себя не снимает, ему теперь есть чем заняться: школа, занятия на лошадях, прогулки, выезды на мероприятия. А вот фото Архипа, он дружит с волонтером Юлей, и в конце декабря Юля оформила гостевую опеку, так что теперь может забирать его домой. На другом фото воспитанница Наташа смеется в кафе со своим другом-волонтером. Феруза, девочка с внимательным взглядом, благодаря волонтерам начала говорить. А вот Гор, у него заболевание позвоночника, и он не может ходить. Гор интеллектуально развит, ездит в школу, занимается с педагогами по скайпу, а в интернате он жил в отделении милосердия и не развивался. Недавно в Лондоне Гору сделали высокотехнологичную операцию, которая облегчит ему жизнь и снизит риск

осложнений от его основного заболевания. Оплачивал операцию Русфонд, а сопровождала Гора в поездке волонтер и попечитель Домика Вера Шенгелия. Она же помогала обустраивать Домик, искала средства для покупки мебели и техники.

Роль волонтеров в жизни Домика огромна: глубокая степень их включенности в жизнь учреждения позволяет детям восполнить недостаток общения и социализироваться, детскому дому — решать проблему с нехваткой персонала, а волонтерам — реализовать свое желание помогать.

Только если человек уверен в том, что он будет регулярно приходить к ребенку, и если у него складываются отношения с ребенком, мы уже разрешаем ему войти в группу

Волонтерские проекты меняют жизнь детей и взрослых с инвалидностью, их родственников, сотрудников государственных учреждений, НКО и в целом общества, считают собеседники "Власти", и от успешного развития волонтерства в России зависит изменение общественного самосознания. Однако, по словам руководителя благотворительного фонда "Даниловцы" Юрия Белановского, в большинстве государственных учреждений к волонтерам по-прежнему относятся настороженно, и степень включенности волонтеров в жизнь этих учреждений зависит исключительно от личности директора или главного врача. "Даниловцы" работают в московских детских домах-интернатах № 24, № 15, № 28, а также в больницах — РДКБ, НИИ имени Бурденко, детской психиатрической больнице № 6, детском наркодиспансере N7. "Если руководитель больницы — настоящий врач, то он понимает значение эмоциональной сферы в жизни ребенка,— говорит Белановский.— Значит, он понимает, что ребенку в больнице одиноко, грустно, а если в его жизни появляются друзья из обычного мира, в который он стремится, то у ребенка появляется дополнительный стимул к выздоровлению. Волонтер в течение двух-трех часов занимается с ребенком творческой игрой, которую можно рассматривать и как своего рода реабилитацию. То же самое с ДДИ — хороший директор, педагог, понимает, что волонтер помогает развитию и социализации ребенка. В Москве, по приказу департамента соцзащиты, все ДДИ открыли двери и пустили к себе волонтеров. В регионах этого нет, и многие учреждения такого типа по-прежнему остаются закрытыми.

В то же время во многих ДДИ стали понимать, что с помощью волонтеров можно решить проблему нехватки рук, к примеру, на прогулках с детьми, требующими индивидуального подхода. Даже если учреждение реформировано, и в группах там по шесть-восемь детей, но они не передвигаются самостоятельно, сил воспитателя и санитарки не хватит на то, чтобы погулять со всеми. До прихода волонтеров

многие дети могли месяцами не выходить на свежий воздух. "Руководство социальных учреждений оценивает риски и пользу и все чаще принимает решение пустить волонтеров на прогулки с детьми,— рассказывает Юрий Белановский.— Правда, при этом отношение к волонтерам со стороны персонала все равно часто покровительственное, а где-то и пренебрежительное. В этом смысле волонтер не сильно защищен, и, конечно, нам нужна какая-то концепция взаимоотношений учреждений с НКО, в которой волонтеры рассматривались бы не как бесплатная рабочая сила, с которой можно обращаться, не церемонясь, а как участники социальной деятельности интерната".

Помимо ощутимой пользы, которую волонтеры могут принести детям и учреждениям, их работа также способствует прозрачности закрытых интернатов. У "Даниловцев", по словам Белановского, есть правило: если волонтеры видят нарушения прав ребенка в быту, они не выносят эту информацию в публичное пространство, а решают проблему с руководством учреждения или с вышестоящим департаментом соцзащиты. "Только если речь идет о криминальных случаях, наши волонтеры могут обратиться в следственные органы или в СМИ,— говорит он.— Но таких случаев в нашей практике не было. А было такое: ребенка выдают волонтеру на прогулку, а памперс ему не поменяли, ребенок испытывает дискомфорт, ему плохо, он плачет, это издевательство. И мы обсуждали такие случаи с руководителями, они реагировали, такое не повторялось".

Чтобы стать волонтером, нужно пройти обучение в волонтерской организации,— у каждой крупной НКО есть курсы подготовки новичков, есть в Москве и Школа социального волонтерства. Кроме этого, необходимо собрать медицинские справки. Для прогулок и игр с детьми в московских ДДИ сегодня требуется только справка от терапевта (такие правила появились в прошлом году в регламенте о взаимодействии столичных учреждений соцзащиты с НКО), но в больницах могут потребовать больше медицинских документов. "Четкого регламента взаимоотношений НКО с медицинскими учреждениями нет,— говорит Юрий Белановский,— и это сильно мешает развитию волонтерской работы в детских отделениях. Руководство больниц само выбирает, какие документы надо собрать волонтеру — иногда требуют медицинские книжки. Нам часто говорят стандартную фразу: "Ваши волонтеры — носители инфекций",— но при этом к детям приходят родственники и друзья, которые тоже могут быть "носителями инфекций". Таким образом, любой руководитель учреждения может закрыть доступ волонтеров, потребовав слишком большой список документов, которые многие работающие люди просто не могут собрать. Именно поэтому и нужно разработать концепцию работы НКО со всеми государственными учреждениями, чтобы каждый раз мы не наступали на одни и те же грабли". ●

